

Мария Ферретти

**РАБОЧИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЛЮЛИН:
ОПЫТ МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА
К ИССЛЕДОВАНИЮ ГЕНЕЗИСА СТАЛИНИЗМА***

В ночь на 11 июня 1929 г. сотрудники всесильного ОГПУ постучали в дверь домика в Забелицах, рабочей окраине Ярославля, неподалеку от крупнейшей городской текстильной фабрики «Красный Перекоп»¹. Арестовывать пришли токаря фабрики Василия Ивановича Люлина². После обыска гэпэушники корявым почерком составили опись немногих добытых трофеев: несколько писем, блокнот, профсоюзный билет Союза текстильщиков, красноармейская книжка, удостоверение личности³. Приказ об аресте пришел в ОГПУ за несколько часов до этого от местного партийного руководства, второй день подряд заседавшего за закрытыми дверьми⁴.

Кто же этот Василий Иванович? И почему так боялись его партия и советская власть?

Токарь В.И. Люлин работал в механическом цехе «Красного Перекопа» (бывшей Большой Ярославской мануфактуры), одного из старейших русских текстильных предприятий, гордившихся своими революционными традициями. Эта мануфактура была основана при Петре I. Тогда Ярославль, небольшой цветущий город, уютно расположенный в верхнем течении Волги, был одним из важнейших торговых центров страны. Как и все российские промышленные предприятия, Ярославская мануфактура с начала XIX в. переживала упадок, но

* Данная статья основана на неопубликованных документах следующих архивов: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социальной и политической истории (РГАСПИ), Центральный архив ФСБ (ЦА ФСБ), Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославля (ЦДНИ ГАЯО). Особо благодарю директора ГАРФ Сергея Мироненко, директора РГАСПИ Кирилла Андерсона, директора Архива ФСБ генерала Василия Христофорова, заместителя директора ГАЯО Максима Шитакова. Без их помощи выполнить это исследование было невозможно. Автор признателен персоналу читальных залов, всегда любезному и готовому помочь, особенно Ирине Николаевне (РГАСПИ) и Светлане Юрьевне (ЦА ФСБ).

¹ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 3312. Л. 106.

² ГАЯО. Д. S–8597. Л. 4.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 2.

в конце столетия, в пору бурного экономического роста, заявила о себе как об одном из крупнейших текстильных предприятий¹. Ее удостоили чести представлять Россию на Всемирной выставке 1900 г. в Париже. Там отметили ее не только за продукцию — пряжу и ткани из хлопка, предназначенные для растущего в России рынка товаров для народа. Гран-при и несколько престижных наград мануфактура получила главным образом за передовую социальную политику в отношении рабочих². Вокруг фабрики построили несколько жилых зданий для рабочих. Всех приютить они не могли, но хотя бы отчасти смягчали острую нехватку жилья. Имелись продовольственная фабричная лавка, столовая, общественные бани и, что в то время было редкостью, своя больница с амбулаторией и родовспомогательным отделением, дом престарелых и детские учреждения: ясли, детский сад и школа, где детей три года учили читать и считать, петь и молиться, девочек обучали шитью, мальчиков — гимнастике.

Для рабочих устраивали вечерние курсы. Рядом со школой находилась библиотека, предназначенная в первую очередь для рабочих. Она насчитывала более 2 тыс. томов и получала разные газеты и журналы. Кроме религиозной литературы, был богатый отдел новых книг по истории, географии, естественным наукам. Особенно богат был отдел беллетристики с произведениями русских и зарубежных авторов, от В. Гюго, А. Дюма, Э. Золя, Ч. Диккенса и В. Скотта до «Мастро Дон Джезуальдо» Д. Верги и «Божественной комедии» Данте, пьес В. Альфиери³.

Мануфактура заботилась о досуге рабочих, стараясь предотвратить повальное пьянство. В праздничные дни устраивали коллективные чтения, разные концерты и спектакли, а летом в фабричном парке — занятия разными видами спорта и соревнования, и всё это под музыку. В вечерах танцев участвовали ярославцы. Мануфактура заботилась и о душах рабочих: на территории фабрики действовали три церкви.

В конце 1920-х гг. мануфактура насчитывала более 10 тыс. рабочих и была крупнейшим предприятием в городе с населением чуть более 100 тыс. жителей. В.И. Люлин был рабочим во втором поколении. Он принадлежал к одной из трудовых династий составлявших *настоящий* рабочий класс, на который, согласно тогдашней большевистской доктрине, должна опираться советская власть. Отец его, Иван Егорьевич, крестьянин-бедняк Владимирской губернии, после отмены крепостного права уехал из родной деревни. Ему не было 20, когда его приняли в 1882 г. присучальщиком на Большую Ярославскую мануфактуру. Там он работал 30 лет, до самой кончины⁴. Через три года после переезда в город к нему при-

¹ Историю мануфактуры см.: Ярославская Большая мануфактура. Ярославль; М., 1900; Грязнов А.Ф. Ярославская Большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г. М., 1910.

² Опубликованная ко Всемирной выставке 1900 г. книга «Ярославская Большая мануфактура...» послужила одним из основных источников данной статьи. О премиях см.: Балужева Н. Ярославская Большая Мануфактура — страницы истории комбината «Красный Перекоп». Ярославль, 2002. С. 67.

³ Каталог книг библиотеки для служащих на фабрике товарищества «Ярославской Большой мануфактуры». Ярославль, 1894. С. 5, 6, 9, 12, 15, 25, 27–29, 30, 32, 55, 57–58.

⁴ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 51. Д. 625. Л. 3.

соединилась жена, Марфа Поликарповна, крестьянка той же деревни, принятая на фабрику банкаброшницей и также работавшая там всю оставшуюся жизнь¹. Жили они в первом этаже в одном из домов красного кирпича для рабочих, недалеко от фабрики: каморка № 8 в VIII корпусе². Там весной 1899 г. родился Василий, младший из четверых детей³.

Василий рос среди рабочих и в 13 лет, после начальной школы, поступил вслед за своим старшим братом Егором на фабрику⁴, сначала как ставельщик, с 1915 г. — присучальщик. Это образцовый рабочий, преданный труду, он не опаздывал, почти не прогуливал, и это в пору, когда прогулы были бичом промышленности⁵. Подобная привычка к трудовой дисциплине, по-видимому, отличает рабочего во втором поколении от отца. Отец — хороший работник, в 1911 г. был награжден за заслуги перед предприятием, но с трудом подчинялся жесткому расписанию на производстве, о чем свидетельствуют частые прогулы и перерывы в работе на фабрике, которые Иван Люлин время от времени устраивал себе: увольнялся и вскоре вновь поступал⁶. Образцовый рабочий, Василий словно ставил целью направить все свои способности на восхождение по социальной лестнице и, совершенствуясь в профессии, стать рабочим высокой квалификации. В 1916 г. он ушел из ткацкого отделения Большой мануфактуры и поступил учеником токаря в механический цех фабрики, где и остался, по-видимому, до конца октября 1918 г., когда его мобилизовали в продотряд⁷.

По некоторым сведениям, в Первую мировую войну Василий входил в подпольные социал-демократические кружки и после революции вступил в РКП(б)⁸. В Гражданскую войну он стал стрелком в Красной армии и готов был отдать жизнь за советскую власть. В 1921 г. отдел пропаганды послал его в Москву на четырехмесячные курсы при Коммунистическом университете им. Свердлова⁹. Однако недолго Люлин оставался в партии. В ходе чистки 1921 г. его исключили, по некоторым источникам, за «антисоветские выступления», о которых не известно ничего конкретного¹⁰. Таким образом, для него закрылся путь на ответственную

¹ Там же. Л. 1. Благодарю Пино Феррариса за ценнейшую помощь в переводе на итальянский язык названий профессий текстильщиков.

² Там же. Л. 2; Д. 627. Л. 1.

³ Там же. Д. 625. Л. 3; Д. 627. Л. 1 об.

⁴ Там же. Д. 624. Л. 3; Д. 626. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3. В 1912–1913 гг. Люлин действительно не имел ни одного прогула. В 1914 г. он по болезни неделю не ходил на работу и лишь в 1915 г. прогулял один день, за что немедленно получил выговор от руководства фабрики.

⁶ Там же. Д. 625. Л. 3–3 об. Иначе обстояло дело с матерью, великой труженицей, которая за все годы на фабрике пропускала работу только по болезни, вероятно, из-за родов, поскольку пропуски по болезни совпадают по времени с рождением ею детей: ГАЯО. Ф. 674. Оп. 51. Д. 627. Л. 1–2.

⁷ ГАЯО. Ф. 674. Оп. 51. Д. 624. Л. 3.

⁸ Сводка о Люлине // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 325. Л. 95.

⁹ ГАЯО. Д. S–8597. Л. 6; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 325. Л. 56. По другой версии, он посещал в Москве в 1919 г. курсы вечерней партийной школы («Сводка о Люлине» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 325. Л. 95).

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 325. Л. 95; ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 973. Л. 685.

должность, которым шли многие выпускники партшколы в те годы наибольшей социальной мобильности, когда советская власть отчаянно искала верных людей на всех уровнях¹.

В сентябре 1922 г. демобилизованный В.И. Люлин вернулся на фабрику учеником токаря и в мае 1923 г. стал токарем в механическом цехе². До 1927 г. мало что о нем известно. В докладе ОГПУ 1929 г. сдержанно и без подробностей сообщено, что он якобы еще в 1924–1925 гг. замечен в склонности к протесту³. Из его же собственных рассказов известно, что после отстранения от политической деятельности он занялся общественной работой в завкоме и профсоюзе: например, участвовал в создании на фабрике рабочего кооператива⁴. Кроме того, он поступил на фабричный рабфак, организованный для подготовки специалистов надежного социального происхождения. И это несмотря на то, что обзавелся семьей⁵. Информация о Люлине за 1927–1929 гг. более подробна. Когда Василий Иванович стал вожаком рабочих фабрики, осведомители ОГПУ ловили на лету любое его слово, чтобы донести органам политической полиции, которые составляли подробные рапорты.

Рассмотрим контекст, в котором разворачивается наша история. Период 1926–1929 гг., решающий для становления сталинизма, период огромной социальной и политической напряженности. В конце 1925 г. были достигнуты основные экономические показатели 1913 г. и завершен восстановительный период, начатый введением НЭПа, позволившего поднять страну из военной разрухи. Перед большевиками встала задача обеспечить дальнейшее экономическое развитие для превращения отсталой крестьянской Руси в современную индустриальную державу. Решение перейти к политике промышленного развития, утвержденное в конце 1925 г. XIV съездом ВКП(б), упиралось в многочисленные препятствия. Для СССР, отказавшегося признать и возвращать царские долги, был закрыт путь иностранных займов и иностранных инвестиций, сыгравших первостепенную роль в экономическом взлете царской России в конце XIX — начале XX в. Экспорт зерна и сырья также не мог удовлетворить потребности страны в твердой валюте для закупок промышленного оборудования. Чтобы выйти из тупика, большевики решили сначала мобилизовать существовавшие в стране ресурсы, и в первую очередь — труд. Памятуя о мощных крестьянских восстаниях на исходе Гражданской войны, руководители советской России поначалу не очень-то хотели трогать крестьян. Поэтому решили обратиться в первую очередь к рабочим, побуждая на жертвы во имя общего блага — индустриализации, представленной как важнейшая составляющая построения социализма. Именно в этом состоял смысл развернутой в начале 1926 г. кампании за «режим экономии», т. е. уменьшение расходов и рационализацию производства для снижения себестоимости с помощью совершенно традиционных и отточенных капитализ-

¹ Согласно докладом ОГПУ, глубокая обида толкнула Люлина в ряды противников советской власти (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6, Пор. 973. Л. 685).

² ГАЯО. Ф. 674. Оп. 51. Д. 624. Л. 3–3 об.

³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 738. Л. 56–57.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 325. Л. 56.

⁵ Там же.

мом методов: сокращение рабочей силы, интенсификация производственных циклов, ужесточение трудовой дисциплины.

Ожидаемых результатов кампания не дала и вызвала рост недовольства рабочих, измученных нуждой и трудностями предыдущих лет. В 1927, в начале агонии НЭПа, ситуация становилась всё серьезнее. Признаки кризиса начали множиться по стране осенью, когда партия, раздираемая конфликтом между сталинским большинством и объединенной оппозицией во главе с Троцким, Каменевым, Зиновьевым, готовилась торжественно праздновать 10-ю годовщину Октябрьской революции. Из-за острых проблем в экономике, связанных с индустриализацией, и ошибок в политике формирования цен на сельскохозяйственную продукцию вернулись преодоленные, казалось, трудности с продовольствием: не хватало хлеба — основной еды рабочих. Инфляция съедала и без того маленькие зарплаты. Росла безработица. На бирже труда с тревожным постоянством возникали ссоры и драки. Опасаясь превращения общественного недовольства в политический протест и точку опоры левой оппозиции (стоит вспомнить молчаливую антимитинговую демонстрацию рабочих в Ленинграде 7 ноября под портретами Троцкого и его товарищей), партийное руководство по привычке реагировало двояко. С одной стороны, усилило репрессии против несогласных внутри партии (в декабре на XV съезде ВКП(б) оппозицию, за которой уже охотилось ОГПУ, исключили из партии); с другой — попыталось восстановить утраченное единодушие и противостоять разочарованию, постепенно охватывавшему тех, кто ранее верил в революционную мечту.

1927 стал годом эпидемии самоубийств молодых партийцев. Желая любой ценой добиться хотя бы видимости народной поддержки, партия прибегла к демагогии. Обращение правительства в связи с 10-летием революции после словословий об успехах в строительстве нового общества, обещало, среди прочего, 7-часовой рабочий день — чисто демагогическое заявление, т. к. эта мера, как показано далее, лишь усугубляла тяжелые условия труда. На самом деле, из шагов, предпринятых для разрешения чрезвычайной продовольственной ситуации, было ясно: политбюро ЦК ВКП(б) не имеет стратегического плана противостояния кризису. На растущую нехватку продуктов политбюро ЦК ВКП(б) реагировало репрессиями против торговцев а, затем и против крестьян. Эти меры лишь ухудшили положение, всё более и более разрушая созданные во время НЭПа экономические механизмы и заложив основу явления сталинской эпохи, весьма неудачно названного «административно-командной системой»¹. Ухудшение условий жизни в ситуации крайней бедности (чтобы понять это, достаточно проглядеть великолепные опросы 1920-х гг. о бюджете рабочих семей) вызвало волну народного недовольства, и прежде всего среди рабочих.

Тут-то наш герой В.И. Люлин вступает в действие. Он был замечен осведомителями ОГПУ как раз в конце 1927 — начале 1928 г., когда начались волнения

¹ О 1927 г. как границе между относительным благосостоянием периода НЭПа и жестокой нуждой времен принудительной индустриализации см.: *Осокина Е.* За фасадом сталинского изобилия. Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1999. Автор этой книги анализирует разрушение рынка в 1927–1929 гг.

рабочих «Красного Перекопа» в связи с переходом левого крыла старой фабрики на 7-часовой рабочий день. «Красный Перекоп» — первая текстильная фабрика из упомянутых в опубликованном 7 января «Правдой» списке предприятий, для эксперимента переходящих на сокращенный рабочий день. Парторганизация Ярославля напрягала силы, чтобы за 2 недели выполнить требования Москвы, которая и слушать не хотела об отсрочке¹. Партийный комитет 2-го района, к которому относился «Красный Перекоп», собрал партийцев и активистов, чтобы те уговорили рабочих, недовольных новым коллективным соглашением, ставящим крест на надежде о большей зарплате². Несмотря на пропагандистскую кампанию, общее собрание фабрики неожиданно под крики и свист провалило резолюцию коммунистов. В ней говорилось о 7-часовом рабочем дне и уплотнении труда. Из 1 тыс. 300 рабочих «за» голосовали лишь 250. И, что хуже, даже партийцы не следовали полученным указаниям³. Рабочие не возражали против уменьшения на час рабочего дня и введения третьей ночной смены, но они не соглашались с уплотнением труда, которое ухудшает их положение, заставляя работать в невыносимом темпе, без передышки: «Довольно эксплуатировать. Мы не за это кровь проливали»⁴. Тут-то и взял слово Люлин и спокойно объяснил: то, что хотят сделать, — «неправильно», потому что «работать будет невозможно». Его выступление встречено одобрительными криками: «Правильно!» По свидетельству очевидцев, именно его выступление заставило собрание возмутиться⁵ и выдвинуло Люлина в ряды лидеров рабочих «Красного Перекопа».

После такого болезненного поражения партия мобилизует все свои ресурсы. Стараясь убедить работниц, представитель дирекции, глава профсоюзной организации цеха и секретарь партячейки, все втроем, преследуют их в самых укромных местах, не обращая внимания на презрительные ответы: раз собрание решило «не принимать работу с нагрузкой, значит, мы и не будем принимать. Вы силой наваливаете нам работу и даже пришли к нам в женскую уборную»⁶. «Коммунистам скоро выдадут резиновые палки, чтобы заставить нас работать, как они хотят», — отреагировал на уговоры один из рабочих⁷.

Через несколько дней созывается новое общее (делегатское) собрание фабрики. На этот раз проведен тщательный отбор делегатов: как минимум половина из них — члены партии или комсомольцы, беспартийные проверены каждый индивидуально⁸. Желаемое решение принято, но успех этот только внешний, показной. Партия применяет силу, чтобы сломить сопротивление рабочих, но тем самым лишь усиливает раздражение в людях. Рабочие, как это ясно видно из усердных донесений осведомителей, чувствуют себя обманутыми и одураченными. Так с течением времени формируется непреодолимое противопоставление

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 20. Д. 593. Л. 62–63, 100–100г.

² Там же. Л. 8–15, 102–103.

³ Там же. Л. 103, 108.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6, пор. 973. Л. 19, 23, 24.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 20. Д. 600. Л. 7.

⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6, пор. 973. Л. 35.

⁷ Там же. Л. 40.

⁸ Там же. Л. 30–31, 34–44.

«мы» и «они», где «они» — это новые хозяева, еще худшие, чем прежние, с которыми невозможны никакие переговоры. То, что жить стало хуже, чем раньше, что народ эксплуатируют сильнее, чем в царские времена, — постоянная тема разговоров. Такое противопоставление характеризует взаимоотношения общества и власти не только в сталинскую эпоху, но, в более общем плане, на всем протяжении русской и советской истории.

В следующие месяцы напряжение росло. После введения новых расценок рабочие обнаружили в феврале сокращение зарплаты. Порой звучали призывы к забастовке по примеру других текстильщиков, например иваново-вознесенских. Конфликты множились. Распространялось пассивное сопротивление. Росли пьянство, число прогулов, падала дисциплина труда. В мае, когда и старая фабрика перешла на 7-часовой рабочий день с ускорением ритма работы, протесты вновь глухо заявили о себе. Отчаявшись, рабочие прибегли к вольнке, останавливали машины, максимум на четверть часа. Но дирекция, опасаясь заразы, обратилась к другим рабочим, чтобы сломить протестующих¹.

Летом 1928 г. ситуация стремительно ухудшается. В Ярославле, как и во многих других областях страны, не хватало продуктов, прежде всего хлеба. Росли очереди. Вновь появились суррогаты. Местные власти уже в начале года били тревогу, но столкнулись с отказом Москвы обеспечить поставки и вновь ввели карточную систему². В конце августа, после двухнедельного перерыва на отпуск, открылся «Красный Перекоп», и вновь среди рабочих вспыхнуло недовольство. В отпуск побывавшие в Москве, Ленинграде, Иваново-Вознесенске, рабочие распространяли слухи о царящем в них изобилии. Там всё есть, и продают свободно, в то время как рабочий «Красного Перекопа» мог купить по карточке в месяц 1 кг крупы, 1/2 кг масла, 1 кг сахарного песка, 4 кг кускового сахара и 3 куска мыла на семью, плюс 450 г муки, ржаной или пшеничной, на человека в день³.

31 августа партийцы созвали рабочую конференцию с целью вынудить рабочих подписаться на 2-й промышленный заем⁴, и ярость рабочих прорвалась наружу. Они не только отказались от подписки, но и решили, несмотря на отчаянное сопротивление местных партийных руководителей, послать в Москву делегацию — выяснить, что происходит с поставкой продовольствия. Из пяти выбранных делегатов был лишь один коммунист. Именно с этого момента Люлин становится бесспорным вожаком рабочих «Красного Перекопа». В надежде выправить ситуацию, партком фабрики созвал 1 сентября собрание. Но оно вновь вышло из-под контроля: официальных ораторов свистом гнали

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 297. Л. 72.

² Там же. Оп. 20. Д. 592. Л. 140; оп. 20. Д. 593. Л. 41; оп. 20. Д. 594. Л. 3, 193; оп. 20. Д. 595. Л. 19, 57–57, 134. Возврат к карточному распределению, первоначально произошедший по инициативе местных властей, вынужденных противостоять ухудшению снабжения, был одобрен Политбюро в конце 1928 — начале 1929 г. Ср.: *Осокина Е.* За фасадом сталинского изобилия. С. 65.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 66

⁴ Займы индустриализации, проходившие в течение всей Первой пятилетки, были формой принудительных сбережений, навязанных всем трудящимся для финансирования индустриализации. Подписка на них была обязательной.

с трибуны, заготовленные резолюции провалили. Пытаясь выправить ситуацию, секретарь парторганизации 2-го района Карин задал риторический вопрос, звучащий почти как провокация: «ВКП(б) доверяете или нет?» В тишине зала отдельные выкрики превратились в рев: «Не доверяем!» Рабочие дружно голосовали за отправку делегации в Москву. Состав делегации снова поставили на голосование. На сей раз в нее не попал ни один коммунист¹. Для партии это было громкое поражение, второе после вопроса о 7-часовом рабочем дне. Но теперь рабочее сопротивление выдвинуло своего лидера — В.И. Люлина.

Василий Иванович вовсе не одержимый. Ему около тридцати лет, темные глаза и волосы, гордый взгляд. Это спокойный и взвешенный человек, хороший работник, без вредных привычек. Он нравится товарищам по работе, как нам говорят дошедшие до нас издавна благодаря усердию осведомителей ОГПУ голоса, потому что он «хороший, честный и прямой парень», уверен в себе; он грамотен и умен, умеет говорить и рассуждать, защищая свою позицию. Потому что «он не трус», он не боится говорить правду и «очень хорошо защищает интересы рабочих». И потому, что «коммунисты его боятся и хотят затереть».

В.И. Люлин не контрреволюционер, не против советской власти, о чем постоянно говорил и повторял на допросах. Но он против партии и ее представителей в Ярославле, которые возгордились своей властью и забыли основные демократические принципы, обеспечивавшие рабочим право выражать свою волю. На деле Люлин защищал права рабочих от партии и сталинской политики индустриализации. «Советская власть подобна власти державного Петра Великого, — сказал Люлин. — Тот построил Петербург на костях 10 тысяч солдат, а советская власть строит социализм на хребте рабочего класса»². И именно потому, что он защищал их интересы, рабочие идентифицировали себя с ним, сделали его своим вожаком.

Из Москвы делегация привезла кое-какие обещания и надежду, что снабжение улучшится, и напряжение слегка спало. Партийное руководство затягивало созыв собрания, на котором члены делегации должны дать рабочим отчет о проделанной работе и результатах поездки. Но отсрочка длилась недолго, т. к. предстояло избрание делегатов на VIII Всесоюзный съезд профсоюзов. Люлина, чья популярность в глазах рабочих невероятно выросла после поездки в столицу, 21 октября неожиданно избрали делегатом съезда, в то время как партийный кандидат с треском провалился. Это была новая и совершенно неожиданная пощечина для партийного руководства, так тщательно отбировавшего цеховых делегатов, которым предстояло выбрать представителей фабрики на съезд³. Секретарь 2-го района Карин получил строгий выговор. Горком партии распорядился провести расследование. Чтобы разобраться в ситуации даже прибыл проверяющий из ЦК ВКП(б)⁴.

И партия при содействии ОГПУ нанесла ответный удар. Дабы любой ценой сорвать участие Люлина в съезде, организовали яростную клеветническую кам-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 66; Там же. Д. 325. Л. 30, 40

² Там же. Д. 325. Л. 56–57, 59, 95; ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Пор. 973. Л. 686, 707, 858–859; ГАЯО. Д. S–8597. Л. 6, 116.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 325. Л. 9, 31.

⁴ Там же. Оп. 20. Д. 596. Л. 38; Ф. 17. Оп. 85. Д. 325. Л. 30. Л. 9; Д. 297. Л. 71.

панию в печати, что он никчемный человек, хулиган, пьяница. Спровоцировали драку для его ареста на пару дней. Затем в действие вступило активное меньшинство (комсомольская молодежь, женщины-делегатки). Засыпав Люлина оскорблениями, они от имени рабочих потребовали отзыва его кандидатуры. Новое общее собрание 1 декабря (на деле — производственное совещание, его участники тщательно отобрали) приняло резолюцию, которая дала отвод Люлину, заменив его партийцем Махановым. Чтобы избежать неприятных неожиданностей, партийцы и комсомольцы заранее заняли партер, а пожарные под предлогом пожарной безопасности удалили тех рабочих, которые могли нарушить ход заседания¹. Упоение успехом длилось недолго. Издательский обман вызвал ярость рабочих; они потребовали новых выборов. Подтасовка была слишком очевидна. Несмотря на настойчивые просьбы горкома, проверяющие из ЦК ВКП(б) не решились отклонить требование рабочих². Слухи о подтасовке выборов достигли Москвы. Близкий к Люлину рабкор рассказал о них в профсоюзной газете «Голос текстильщика» (на фабрике ее читали больше, чем партийный орган «Северный рабочий»). В результате мандатная комиссия профсоюзного съезда не признала мандат Маханова³.

На третьей конференции 18 декабря, когда уже открылся Съезд профсоюзов, случилось то, что секретарь Ярославского горкома партии Быкин назвал историей «заранее предрешенного провала». Партия мобилизовала всё возможное в поддержку своего кандидата, но и сторонники Люлина не жалели усилий. Судя по докладам ОГПУ, бесстыжая попытка партии силой навязать свою волю вызвала раздражение рабочих. Во многих цехах, на выборных собраниях коммунистам не дали говорить. Наученные опытом рабочие избрали собственных делегатов и, чтобы быть уверенными, что те голосовать будут, как обещали, и не поддадутся на лесть и шантаж, дали им письменный наказ для голосования⁴. Яростные нападки на Люлина имели обратное действие. Рабочие говорили: «Коммунисты его не любят за то, что он указывает на их недостатки и вскрывает всю грязь»⁵.

Конференция открылась в 8 вечера и длилась до 2 часов ночи, при переполненном зале с почти тысячей делегатами. Коммунисты, явившиеся с собрания ячейки с последними инструкциями, с трудом нашли места в последних рядах. Люди крайне возбуждены. Чуть позже на партийном собрании 2-го района один из делегатов сказал: «Рабочие шли на конференцию как на бой с коммунистами»⁶. Конференция с первой минуты обещала стать бурной. Люлин, которого партия до последнего момента старалась держать подальше от собрания, вошел в зал под бурные аплодисменты. Видя решительность присутствующих рабочих, милиция растерялась и не решилась выполнить приказ и остановить его. По предложению Люлина, заготовленный партийцами список кандидатов в президиум

¹ Там же. Д. 325, 1 л. 31, 39, 57; Ф. 17. Оп. 20. Д. 596. Л. 183; ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Пор. 973. Л. 859–860.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 20. Д. 325. Л. 32, 35, 57.

³ Там же. Д. 596. Л. 180–182, 184.

⁴ Там же. Д. 325. Л. 32, 58, 64.

⁵ Там же. Оп. 85. Д. 297. Л. 64.

⁶ Там же. Оп. 20. Д. 600. Л. 7.

был отвергнут: «Не надо, не обманывайте». При поименном голосовании кандидатов, выдвинутых партией и фабзавкомом, отвергли. Под дружные крики «Долой!», «Пошел вон!» председатель ГСПС Ярославля не смог открыть рот. Подошедший рабочий начал трясти его с воплем: «Убирайся, долой!» В президиум избрали Люлина, приветствуемого бурными аплодисментами, и двоих его товарищей, вместе с ним в составе делегации посетивших Москву. Когда дело дошло до обсуждения делегата на Съезд профсоюзов, собрание вышло из-под контроля. Рабочие отказались слушать запланированные доклады, никому из представителей местных властей выступать не дали. Даже представители центра (ЦК, профсоюза текстильщиков и т. д.) с трудом заставляли себя слушать. Пытавшихся критиковать Люлина гнали с трибуны. Его сторонники повторяли одну и ту же мысль: «Люлин действительно представитель рабочих „Красного Перекопа“». Партийцы нас обманывают»¹. Желая вернуть контроль над ситуацией, партийцы хитростью пытались распустить собрание: предложили объявить перерыв перед голосованием. Рабочие отказались покинуть места, обвиняя партию в желании сорвать выборы: «Мы не уйдем отсюда, пока не проголосуем за Люлина». Председателю пришлось поставить кандидатуру на голосование. Процедуру трижды повторили. Результат: 700 голосов (среди которых много и партийцев, нарушивших указания сверху) — за Люлина, 300 — за Маханова. Завершающая резолюция оставила в силе избрание Люлина на I конференции и отклонила последующие манипуляции².

Партия уязвлена. Согласно докладом ОГПУ, рабочие ликовали: все или почти все на стороне Люлина, коммунистам не дают говорить, предсказывая в скором будущем изгнание их из власти³. Но некоторые рабочие не без основания опасались мести⁴. Партия не может стерпеть такую обиду.

На следующий день, 19 декабря, бюро горкома ВКП(б) констатировало: «Масса пошла за Люлина, противопоставляя себя всей парторганизации». По предложению Быкина решили «очистить» фабрику «от чуждых, спекулятивных и вредных элементов» и провести в парторганизации 2-го района чистку от «чуждых и меньшевистских элементов»⁵. С этого момента арест Люлина стал лишь вопросом времени. Внутри партии сохранялось сопротивление. Валы репрессий не обрушились еще на страну, коллективизация лишь вот-вот начнется. И партия, по видимому, боялась возмущения рабочих, поскольку ходили слухи: если Люлина арестуют, начнется забастовка⁶. Партийное руководство выжидало, надеясь нормализовать обстановку, не прибегая к крайним мерам. Люлин мог попытаться избежать ареста, но этого не сделал.

После триумфального избрания, подтверждавшего лидерство Люлина на фабрике, что признало и ОГПУ⁷, дни его были сочтены. Он знал это с сентября, когда

¹ Там же. Оп. 85. Д. 297. Л. 64–65; Д. 325. Л. 49, 59, 60.

² Там же. Д. 325. Л. 49, 59, 60.

³ Там же. Л. 50, 66; Д. 297. Л. 65.

⁴ Там же. Д. 325. Л. 66.

⁵ Там же. Оп. 20. Д. 596. Л. 184–185.

⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Пор. 754. Л. 22, 46.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 325. Л. 49

после возвращения с делегацией из Москвы заметил слежку. Он признался товарищу, что готов к аресту¹. Сначала он думал, что арестуют во время поездки в Москву на Съезд профсоюзов. По загадочным для него причинам его не тронули.

Вернувшись в Ярославль со съезда в конце декабря, Люлин перестал ночевать дома². Он делился с товарищами горечью разочарования съездом, допуская опасные высказывания, тщательно собранные осведомителями ОГПУ³: «Все эти вожди — одна сволочь»⁴. Ездить на съезд бесполезно, всё заранее предreshено, «беспартийным рабочим говорить не давали». Первые записавшиеся выступить оказались в конце списка⁵. Но самым удручающим стало посещение делегатами съезда Центрального института труда. «Это учреждение научного способа выжимания последних соков из рабочих», — сказал он в растерянности. Если организовывать производство «по системе американского капиталиста Тейлора», то «от рабочего останется только один скелет»⁶.

У Люлина зрело убеждение, что надо организовать рабочих фабрики и самим бороться за интересы трудящихся. Поддержка рабочих придавала силы и «настроение боевое». Он готов был к сражению⁷. Во всеуслышание говорил он о том, как плохое качество сырья сказывается на производстве, и защищал старых специалистов, превращаемых в козлов отпущения⁸. Он выступал против нового коллективного соглашения, по которому рост зарплаты отставал от роста дороговизны, и критиковал Совет фабрики, который пытался подать это соглашение как улучшение условий жизни рабочих⁹. Его старались заставить молчать, прерывали на собраниях, но он не дал себя запугать: «Если вы не дадите высказаться, то будет хуже!», — а затем, обращаясь к президиуму, во всеуслышание заявил: «Вы насилуете волю собрания, это никуда не годится!»¹⁰. По свидетельству спецсводки ОГПУ конца января 1929 г., авторитет его среди рабочих рос постоянно¹¹. И это несмотря на яростную кампанию в печати против него и товарищей (их презрительно именовали «люлинцы»), обвинений их в контрреволюционной деятельности, хотя рабочие требовали прекратить подобные нападки. Партия не решалась его арестовать, выжидала, внедряла на фабрику агентов ОГПУ, чтобы предотвратить действия рабочих¹².

Партийцы, надеясь сорвать отчет Люлина перед избирателями о результатах Съезда профсоюзов, оттягивали собрание фабрики до 20 января¹³. Речь Люлина, встреченная бурными аплодисментами зала, стала атакой на полити-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6, пор. 973. Л. 707.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 297. Л. 62.

³ Там же. Д. 297. Л. 62–63.

⁴ Там же. Д. 297. Л. 62.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7, пор. 754. Л. 47.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 297. Л. 62.

⁹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Пор. 754. Л. 40–41.

¹⁰ Там же. Л. 43; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 297. Л. 58.

¹¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Пор. 754. Л. 47.

¹² Там же. Л. 48, 53.

¹³ Там же. Л. 59.

ку партии. Он говорил о тяжелейшем положении, в котором оказалась страна, и опроверг утверждения, что причина кризиса в неурожае. Опираясь на данные печати, он указал, что урожай собран больше, чем в предыдущие годы, и причины кризиса следует искать в ином, намекая на притеснения крестьян. Ухудшение условий жизни рабочих связано со снижением зарплаты, ростом цен на продовольствие, безработицей. Он обвинил Совет фабрики в том, что тот преследует его сторонников, а не служит нуждам рабочих. Столкновение носило отчаянный характер. Выступили многие товарищи Люлина. Нападки на него и его единомышленников зал прерывал выкриками и аплодировал при критике партии и профсоюзов. Коммунисты сумели переломить ситуацию и не пропустить резолюцию протестующих¹. Собрание одобрило резолюцию в поддержку кампании «самокритики», начатой в конце 1928 г. сталинским большинством политбюро ЦК ВКП(б) с целью выявить и разоблачить отход от «генеральной линии». Самокритика стала важнейшим оружием чистки советского и партийного аппарата на всех уровнях. Ее использовали для устранения рабочих, подозреваемых в несогласии².

Воодушевленные успехом коммунисты пошли в наступление. С благословения представителя Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Назарова в начале февраля на собрании рабочих фабрики началась чистка от «враждебных советской власти и партии элементов» и «разоблачение Люлина»³. Близкий союзник Люлина комсомолец Литочкин под давлением ОГПУ выступил с самокритикой. Под рев разъяренного зала он обвинил Люлина в отходе от профсоюзной линии. Рабочие защищали Люлина, протестовали против запугивания увольнением с фабрики с «волчьим билетом». Один из рабочих заявил: «Критику нужно проводить очень осторожно, а то за эту критику попадаешь в Соловки»⁴. Другой добавил: «Тов. коммунисты, вы хотите нас запугать, как Николай II, но до этого мы не допустим»⁵. Велика была ярость рабочих, но начался поворот к «нормализации», под которой партия понимала покорение фабрики, гордой своим революционным прошлым.

Резолюция, принятая собранием 2 февраля, заложила основу будущих репрессий против рабочих. Она была посвящена ноябрьскому пленуму ЦК ВКП(б) 1929 г. (на нем Сталин вынудил каяться правую оппозицию во главе с Бухариным, Рыковым, Томским), одобряла политику индустриализации и отвергала претензии на законность рабочего протеста против этой политики. Протест рабочих объяснялся в ней их *отсталостью*: выступая против уплотнения труда

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 297. Л. 60–62.

² С этой точки зрения показательным предложением Литочкина внести в резолюцию поправку: самокритику нельзя использовать для исключения из профсоюза и увольнения с работы. Председатель фабричного комитета Антонов ловко отклонил поправку (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Пор. 754. Л. 63).

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 297. Л. 58–59; Д. 325. Л. 71–72.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7, пор. 754. Л. 67. На Соловецком архипелаге, рядом с Северным полярным кругом, в 1923–1939 работал концлагерь ОГПУ СЛОН (Соловецкие лагеря особого назначения). Подробнее см.: *Бродский Ю.А.* Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М., 2002.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 297. Л. 59.

и за увеличение зарплаты или хлебного пайка, *несознательные* рабочие не в состоянии увидеть свои *настоящие* классовые интересы, а именно строительство социализма таким, каким его понимают большевики у власти. И этой отсталостью рабочих, утверждалось в резолюции, пользуются «элементы», враждебные пролетариату и советской власти, демагогией увлекают за собой значительную часть рабочих, создавая трудности правительству. Резолюция одобрила чистку на фабрике и даже требовала ее ускорить, чтобы освободиться от «всех примазавшихся элементов»¹. Так подготавливались условия для объявления В.И. Люлина и его сторонников «врагами народа».

Собрание 2 февраля стало поворотным моментом, но путь к «нормализации» был совсем не гладок². С февраля партия сумела восстановить свой контроль над фабричными собраниями, устранив или уменьшив открытые проявления рабочего протеста. Результат достигался одновременными запугиванием и репрессиями. Неизвестно, сколько рабочих уволили или подвергли гонениям вроде понижения в должности. Использовали давление. Рабочих по одному вынуждали подписать коллективно отвергнутые требования ускорить темпы производства. Это настолько взбесило рабочих, что профсоюзу пришлось просить прекратить подобную практику³.

ОГПУ использовали с целью сломить сопротивление рабочих и изолировать Люлина. ОГПУ открыто настаивало на тщательной проверке работников «Красного Перекопа» для отсева «чужеродных элементов»⁴. Всей печати постепенно навязали единую линию, когда в конце 1928 — начале 1929 г. наметился разгром правой оппозиции: несогласным с генеральной линией приходилось прибегать к эзопову языку, а печать утратила последние остатки самостоятельности. Ежедневная профсоюзная газета «Голос текстильщика», на страницах которой рабочие «Красного Перекопа» ранее протестовали, присоединилась к очернителям «люлинцев», сменила позицию согласно состоявшейся «нормализации» профсоюзов. Один из лидеров правой оппозиции Томский был председателем ВЦСПС, организации, унаследовавшей дореволюционные традиции культуры труда и защиты рабочего класса. Опасаясь ухудшения условий жизни рабочих, ВЦСПС пытался противостоять усиленной индустриализации, на которой настаивал ВСНХ. С особой энергией позицию ВЦСПС отстаивал председатель Союза текстильщиков Мельничанский⁵.

В первые месяцы 1929 г. непрерывно росло недовольство рабочих фабрики ухудшением условий жизни. Ускоряли ритм труда, закручивали гайки в отно-

¹ Там же. Д. 325. Л. 71—72. Пока еще не изучена чистка 1929 г., материалы которой недавно рассекречены.

² На этом настаивают разные доклады ОГПУ и доклад Назарова о состоянии Ярославской партийной организации, написанный в декабре 1929 г. Настоящий поворот произошел только после ареста Люлина.

³ См. напр.: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Пор. 754. Л. 58.

⁴ Там же. Л. 93.

⁵ См. выступление Мельничанского на совещании в Орграспредотделе ЦК ВКП(б) в октябре 1928 г. по поводу конфликтов в текстильной отрасли: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 305. Л. 4—9. В связи с конфликтом на «Красном Перекопе» Мельничанский защищал Люлина (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 20. Д. 596. Л. 181; ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Пор. 754. Л. 67).

шении дисциплины. Работник, опоздавший на 10 минут, мог оказаться перед закрытыми воротами и получить штраф за прогул. Рост зарплаты отставал от постоянного роста цен. Хроническая нехватка продовольствия, прежде всего хлеба, наряду с постоянным ухудшением качества питания и длинной очередью в фабричный магазин вызывали раздражение рабочих¹. В марте сократили хлебный паек, в том числе для детей. В очередях вспыхивали ссоры, драки, с приступами гнева в адрес коммунистов. Их называли «толстыми мордами» и «толстопузыми чертями». Матери горько жаловались, что голодным истощенным детям угрожает туберкулез². В марте, с переходом так называемой «новой фабрики» на 7-часовой рабочий день с тремя сменами, ритм труда еще более ускорился. Пожилые работницы плакали, не успевая следить за машинами, которые вращаются все быстрее и быстрее³. Время от времени бешенство рабочих вырывалось наружу. В тщательно собранных осведомителями ОГПУ фразах звучала глубокая враждебность к коммунистам, новым господам.

Лишенный легальных средств выражения, протест рабочих принимал форму пассивного сопротивления. Вынужденные молчать, рабочие сбегали с мероприятий и собраний, срывая организованные партией кампании. В январе-феврале в кампании по переизбранию советов депутатов собрания избирателей проваливались одно за другим. Так, из 1 тыс. 600 рабочих первой смены старой фабрики на собрание пришли всего 160; на следующий день, после проведенной партией работы, — 260 человек⁴. Рабочие не желали быть статистами в жалком спектакле, где всё известно заранее. Один из рабочих объяснял: «Партийцы командуют, и мы должны подчиняться. Везде и всюду назначают партийцев, вот это и отталкивает нас от собраний»⁵. Приходилось назначать новые выборы. Чтобы рабочие не сбежали, собрания проводили в рабочее время. Работу «Красного Перекопа» останавливали на полтора часа, которые рабочим приходилось отрабатывать в праздничные дни. Это вызывает новую волну недовольства: «Сами коммунисты не могут интересоваться рабочих так, чтобы те ходили на собрание, так опять давай с рабочего тянуть. Они только и знают тянуть с рабочего»⁶. И хотя удалось добиться присутствия на собрании 90 % рабочих, коммунистам пришлось выслушать враждебные речи, их кандидатов освистывали. Из 60 избранных 14 были членами ВКП(б) и 5 — товарищами Люлина⁷.

В первые месяцы 1929 г. протест рабочих стал, по-видимому, радикальнее, обретая политический оттенок. Рабочие требовали свободы печати. Яростная газетная кампания против Люлина с целью представить его воплощением зла показала, как беззастенчиво партия использует средства массовой информации⁸. Однако она бумерангом ударила по партии. ОГПУ признало: «Дальнейшие по-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Пор. 754. Л. 16–17, 20, 23–24, 49–51, 58, 90, 92.

² Там же. Л. 92, 106–107.

³ Там же. Л. 105–106.

⁴ Там же. Л. 89–90, 119.

⁵ Там же. Л. 90.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 91.

⁸ Там же. Л. 118.

пытки дискредитировать Люлина перед массами <...> только увеличивали его авторитет и группировку а[нти]с[оветски] настроенных лиц», в результате чего Василий Иванович превратился в глазах рабочих в «героя, борца за рабочих, преследуемого властью»¹.

Превращение Люлина в лидера рабочих, выразителя глухого сопротивления политике усиленной индустриализации, непрерывный рост числа его сторонников на «Красном Перекопе» и безрезультатные попытки коммунистов нормализовать ситуацию вызвали его арест². Накануне ареста на собрании фабрики 9 июня Люлин вновь говорил об ухудшении условий жизни рабочих, жестко нападал на правительственную политику индустриализации, выступал с критикой первого пятилетнего плана и соцсоревнования. Старательный осведомитель ОГПУ по кличке Вождь, ни на шаг не отходивший от Люлина, сообщал, что тот повел за собой рабочих и нанес очередное поражение партии, выставил в жалком виде докладчика, секретаря парторганизации Ярославля, который не смог закончить речь из-за криков и свиста рабочих. Выступление Люлина встретили бурными аплодисментами. Рабочие отвергли предложенную коммунистами резолюцию одобрения пятилетнего плана и включения «Красного Перекопа» в социалистическое соревнование³. Опасаясь судьбы великана Голиафа, побежденного рабочим Давидом, и не видя иного способа сломить сопротивление рабочих, партия отдала приказ арестовать В.И. Люлина. В кратком объяснении, которое сопровождало ордер на арест, сказано о «явно открытой контрреволюционной агитации», которой он якобы запятнал себя, настраивая рабочих против пятилетнего плана, и подчеркнуто: его необходимо убрать, чтобы не дать возможности вредить и «лишний раз осложнить положение» на «Красном Перекопе»⁴.

Фабрика быстро узнала об аресте Люлина. Его теща рассказала группе рабочих: «Мой зять Люлин сегодня ночью арестован ГПУ, совершенно никто не знает за что, у него осталась семья из четырех человек, жена без работы, на что будем жить, совершенно не знаем». Хотя доклады ГПУ уверяли, что большинство рабочих поддержало арест, между строк чувствуется, что реально всё не так. Несмотря на пропагандистскую кампанию, разъяснения, что Люлин опасный контрреволюционер (даже выдумали мифическую московскую организацию, членом которой он якобы был), некоторые рабочие не боялись сказать, что Люлин арестован за смелые выступления против пятилетнего плана, за то, что защищает рабочих, не боится коммунистов, которые теперь мстят. «Наш защитник Люлин вчера арестован ГПУ. При этом нужно сказать, его арестовали неправильно, он хороший человек, он всегда говорил правду, что коммунистам не нравилось», — комментировал один из рабочих. Другой добавил: «Коммунистам не понравилось, что Люлин говорил правду и резал им всё в глаза, так его сейчас арестовали. Вот вам и критика, власть говорит, критикуйте все, что вам не нравится, а за критику забирают. Это неправильно». Охваченные яростью, рабочие хватили за грудки членов партии, с вызовом говоря: «Почему вы не расстреляете

¹ Там же. Оп. 8. Д. 738. Л. 58, 60.

² ГАЯО. Д. S-8597. Л. 93.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2

Люлина за то, что он вас разбил на конференции?» Кое-кто, забывая об опасности, рещался на угрозы: «Не хочу видеть такого безобразия, которое творится у нас на фабрике, арестовывают хороших людей, а за что — совершенно зря. Тов. коммунисты скоро дождутся, что у рабочих может терпения [не хватить] и им будет крах, все рабочие ждут войны и как только получают в руки винтовки, то будут бить этих паршивых коммунистов». Пришел в действие механизм рабочей солидарности. Начали сбор подписей за освобождение Люлина и сбор денег в помощь его семье. Но чем закончились эти инициативы, неизвестно: партия их немедленно пресекла¹.

Примечательно, что в разговорах рабочих всё время присутствует мысль о войне как освобождении. По их мнению, она могла перевернуть ситуацию, изгнав новых хозяев, т. е. спасение могло прийти только извне. «Вот его убрали, — говорил рабочий, комментируя арест Люлина, — а мы молчим, как дураки. Скорее бы была война, передушили бы всю эту сволочь!»². Несмотря на обстановку запугивания, одна попытка организовать коллективное выступление, хотя и задушенная в зародыше, всё же была. 15 июня, через несколько дней после ареста Люлина, ночью на территорию фабрики через забор бросили кое-как перевязанный веревкой сверток с пятью листовками, написанными химическим карандашом³. Листовка призывала рабочих возобновить борьбу за свободу:

Борьба за существо. Товарищи рабочие, на забыли ли вы, за что боролись, за что проливали кровь, за свободу, за улучшение рабочего быта всего мира, за освобождение из-под ига капитала, и за слова свобода, теперь выходит всё на старое, к крепостному праву, не стали давать говорить правду, не стали давать, что требуется рабочему для жизни, стали нажимать крепче, увеличивать выработку товара, а уменьшить заработки, уплотнять стали до нельзя, на каждом шагу замечания ставят, проводят состязания, а бедные пока ждать хорошего нечего, пока не выступите в бойню и забастовку. Рабочий «Кр. Перекопа»⁴.

Далее шли инструкции. Анонимный автор-рабочий звал готовиться к часу «ч»: когда закроем фабрику и выгоним их, тогда «будем бить советских капиталистов <...> угнетателей рабочих масс» и потребуем наконец увеличить зарплату, прекратить ночные смены и уплотнения рабочего дня. Призыв завершалось напоминание о старой революционной традиции союза с крестьянами, и в формулировках чувствуется влияние левой оппозиции: «Товарищи рабочие, вас ждет все крестьянское население к выступлению против советской буржуазии и бюрократии». В заключении слышится нота удивления перед отсутствием реакции на апокалипсис, который уже обрушился на страну. «Неужели вы не поймете то, что происходит? — спрашивает автор, прежде чем добавить — Хлеба не проси, арестуют»⁵. Послание не дошло до адресата. Ночной сторож подобрал и передал куда следует.

¹ ФГАЯО-ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 27. Д. 3312. Л. 105–107.

² Там же. Л. 106.

³ Там же. Л. 107.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 297. Л. 56

⁵ Там же. Л. 56

После короткого следствия В.И. Люлин был осужден Особым совещанием ОГПУ на 3 года ссылки в северных областях за «антисоветскую агитацию» на основании статьи 58/10 Уголовного кодекса¹. Наказание он отбывал в Великом Устюге, где работал механиком на фабрике. Вместо раскаяния и попытки искупить вину Люлин продолжал бесстрашно настраивать рабочих и других ссыльных против советской власти и пятилетки: «Мы голы и босы, нет у нас достижений, а есть упадок. Жизнь рабочим и крестьянам теперь не сладка, достается от пятилетки: от мужика отбирается последнее, а рабочего заставляют работать сверх сил, рабочие Англии и Франции находятся в лучших условиях, чем в СССР»². Подобную агитацию ОГПУ сочло весьма неуместной и предложило после освобождения взять Люлина под надзор, что одобрило вышестоящее начальство³. Отбыв наказание, В.И. Люлин отправился на три года в ссылку в Кострому, примерно в 100 км от Ярославля. К большому разочарованию ОГПУ, он без разрешения ездил, когда хотелось, в Ярославль. В начале 1933 г. ситуация в Ярославле была весьма далека от мирной, и присутствие его там сочли опасным: он вновь мог возглавить рабочих. Поэтому его выслали на поселение за пределы Ивановской области, откуда трудно вернуться в Ярославль⁴. В 1934 г. В.И. Люлин рискнул вновь испытать судьбу, тайно вернулся в Ярославль, был арестован и осужден на 5 лет лагерей, откуда уже не вернулся, вероятно, расстрелян в 1937 в ходе Большого террора⁵. Реабилитировали В.И. Люлина лишь в 1993 г., когда советский режим уже прекратил свое существование⁶.

Что же кроме пусть и самого святого права на память столь важно в истории В.И. Люлина и заставляет терпеливо разгадывать тайну его жизни, восстанавливая, как в головоломке, общую картину? Для тех, кто стремится распутать клубок российской послереволюционной истории, и в частности проследить процесс генезиса сталинизма, испытания, выпавшие Люлину, представляют огромный интерес. История В.И. Люлина проливает свет прежде всего на малоизвестный аспект истории тех лет, а именно на остроконфликтный характер взаимоотношений между рабочими и советской властью, и в частности на сопротивление политике модернизации экономики в рекордные сроки, проводимой без оглядки на высокую социальную цену. Отношение рабочих к тому, что тогда называли диктатурой пролетариата, было в СССР одним из главнейших табу официальной истории, поскольку болезненно затрагивало проблему легитимности режима.

Большевистская диктатура обосновывалась в рамках идущего от Маркса телеологического понимания истории. Согласно ему капитализм, поработивший людей, подчинив их законам прибыли, благодаря революции должен смениться

¹ ГАЯО. Д. S 8597. Л. 109. Люлин был осужден по предложению ОГПУ Ярославля.

² Там же. Л. 111.

³ Там же. Л. 111–112.

⁴ Там же. Л. 114–115.

⁵ Сведения о судьбе Люлина после 1934 г. находятся в пока еще недоступном следственном деле, т. к. для доступа к нему не истекли 75 лет, предусмотренные законом. Об этом мне любезно сообщила Нина Алексеевна Дьячкова, ответственная за получение рассекреченных ФСБ дел в Государственном архиве Ярославля, и я выражаю ей свою благодарность.

⁶ ГАЯО. Д. S 8597. Л. 118.

социализмом, царством свободы, которое строить предстояло рабочему классу, освобождающему всё человечество от былого рабства. Поскольку рабочий класс из-за своего зависимого положения при капитализме не имел возможности созреть как класс правящий, то должен после революции делегировать власть своему передовому отряду, Коммунистической партии. Именно она, согласно большевистской доктрине, воплощает *подлинные* интересы этого класса и необходимое для построения социализма *научное* знание, а именно марксизм-ленинизм. Большевистская диктатура, следовательно, легитимна в той мере, в какой воплощает власть рабочих. Однако протест рабочих против политики руководства страны, осуществляемой во имя абстрактного класса, постоянно грозил, в глазах самих большевиков, поставить под вопрос легитимность их власти. Непризнание со стороны рабочих создавало проблему самоидентификации, во всяком случае, для старой гвардии большевиков.

Доктрина отводила центральную роль пролетариату, что делало категорически неприемлемым любое сопротивление со стороны рабочих. Отсюда попытки отрицать это сопротивление, сводить все конфликты к проблеме отсталости, несознательности, которые, в свою очередь, возводили к непролетарскому социальному происхождению протестующих и сопровождали бесконечными изысканиями, как определять социальную принадлежность — на основе происхождения или деятельности. Отсюда и не менее изнурительные попытки любой ценой сделать «сознательными» рабочих, убеждая их в правильности политики партии. Поразительно, что, как и в случае «Красного Перекопа», основную причину протеста рабочих усматривали не в ухудшении условий жизни и труда, а в том, что разъяснительную работу партия и профсоюзы проводили недостаточно. Это был основной мотив всех докладов местного партийного руководства, проверяющих из Москвы, сотрудников ОГПУ. Все предлагали один выход из тупика: подавлять сопротивление и прислать из Москвы группы опытных пропагандистов для усиления «массовой работы»¹.

Рабочий протест представлял собой большую опасность, угрожая идеологической и политической дестабилизацией. Поэтому с самого начала он подвергался цензуре — из боязни «заразы» и чтобы не портить картину поддержки рабочими диктатуры. В печати той поры почти ничего не найти о конфликтах и протестах². В ежедневной партийной газете Ярославля «Северный рабочий» за последние месяцы 1928 г. можно найти только тексты, призванные рассказать о недостойном поведении Люлина. В 1927 г. в связи с 10-й годовщиной революции предприняли меры, чтобы не просочилась никакая информация о протестах. Начатое до революции регулярное фиксирование конфликтов на производстве

¹ По просьбе горкома партии Ярославля летом 1929 г. ЦК ВКП(б) направил специальную группу агитаторов и пропагандистов для мобилизации рабочих «Красного Перекопа» и восстановления партийной организации на фабрике. Это, по-видимому, не дало положительных результатов. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 20. Д. 596. Л. 185; Д. 616. Л. 113 и след.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 74. Д. 2. Л. 62–68).

² 96 % всех конфликтов в 1922–1924 гг. подверглись цензуре в печати (Розенберг В. Формы и способы рабочего протеста в России, 1918–1929 гг. // Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. М., 1998. С.10).

отменили, число обследуемых предприятий уменьшили. С 1929 г. выступления протеста и конфликты стали государственной тайной. Ее ревностно охраняло ОГПУ, сообщая только кому следует¹. В конце 1920-х гг. печать, уже находившаяся под полным контролем партии, пережила еще одно закручивание гаек и превратилась в простое средство пропаганды, потеряв то двойное назначение, которое поначалу имела, а именно — быть одновременно и средством информации, и средством пропаганды, при исключительном преимуществе второй составляющей².

Печать в 1929 г. обслуживала индустриализацию и первую пятилетку, воодушевляя рабочих на подъем производства. Прославление энтузиазма рабочих, окрыленных перспективой индустриализации, иллюстрируемое непрерывным шествием молодых, сильных, мускулистых и улыбающихся рабочих-ударников, участников социалистического соревнования за увеличение производственных показателей и т. п., — доминирующая тема пропагандистских материалов, от печати до литературы, искусства и кино. Такое изображение пламенных борцов за индустриализацию в противовес отсталым социальным группам имело двойную функцию: уничтожить все следы рабочего сопротивления, которое усилилось именно в эти годы, и создать картину массовой поддержки рабочими режима. Этим «подтверждалась» пролетарская природа режима, легитимизировалась политика модернизации и в то же время оказывалось давление на трудящихся, с тем чтобы они вели себя так, как предложено пропагандой. Двойная функция видна на примере книги о «Красном Перекопе» в серии «История фабрик и заводов», основанной М. Горьким³. Эта книга рассказывает о конфликте рабочих, готовых к самопожертвованию для увеличения производства, с вероломными «люлинцами», которые обманом пытались увести рабочих с правильного пути⁴. В пропаганде доминировала картина рабочего энтузиазма в великой эпопее индустриализации. Она стала одним из общих мест советской историографии.

До распада СССР советским историкам запрещалось изучать социальные конфликты и отношение рабочих к коммунистическому режиму, а западные ученые не имели доступа к архивным документам, позволяющим обсуждать эти проблемы. После крушения СССР архивы были открыты и историки смогли начать работать над этой темой. Она представляется ключевой для понимания истории 1920-х гг. Как подчеркивает Билл Розенберг, один из тех, кто наиболее способствовал развитию исследований в этом направлении, из-за центрального положения, которое занимали рабочие в большевистской картине мира,

¹ Там же. С. 3, 5, 6.

² Печать изменила свой статус в 1927–1928 гг. в результате деятельности руководителей Отдела печати ЦК ВКП(б) С. Гусева и С. Ингулова. Задачей печати в дни индустриализации стала мобилизация рабочих на производство. Превратившись в инструмент пропаганды, печать была жестко подчинена Агитпропу, в 1928 г. слитому с Отделом печати ЦК ВКП(б). См.: На новые пути. Печать как орудие мобилизации масс: Сб. статей / Под ред. С.И. Гусева. М.; Л., 1927; *Ингулов С.* Партия и печать. М., 1928; Реконструктивный период и задачи печати. М.; Л., 1930.

³ См.: *Журавлев С.В.* Феномен «Истории фабрик и заводов». М., 1997.

⁴ *Паялин Н.П.* Волжские ткачи. 1722–1917. М., 1936; *Федорович В. Ф.* Волжские ткачи. Фабрика «Красный перекоп», б. Ярославская большая мануфактура 1918–1932, М., 1935.

их отношение к власти имело особое значение и влияло на принятие политических решений¹. Речь идет о безграничном и совершенно нетронутым поле для исследований, которое еще только предстоит распахать. И это касается прежде всего времени сталинского «великого перелома», поскольку до сих пор проводившиеся изыскания касались только самых первых лет после революции. Лишь в последнее время начали исследовать более поздний период. Речь идет о прекрасной работе Даяны Коенкер о типографских рабочих со времен революции до «великого перелома» и о книге Джеффри Россмана о рабочем сопротивлении в годы первой пятилетки². Следует вспомнить и работы некоторых российских ученых, которые, однако, продолжая линию старой международной историографии рабочего движения, предпочли сосредоточиться на мотивациях и стимулах к труду³.

История Люлина показывает, как важно исследовать вопрос об отношении рабочих именно к «великому перелому». Восстановленная нами цепочка событий наводит на мысль о новом подходе к пониманию генезиса сталинизма. Он по сию пору (не считая чисто идеологических текстов, не представляющих большой эвристической ценности) остается одной из крупнейших неразгаданных проблем истории XX в. Установление сталинской диктатуры — это конечная точка развивавшегося по спирали и становившегося всё более радикальным политического и социального конфликта, который был вызван глухим сопротивлением рабочих (и всего общества) проекту модернизации, навязанному стране большевиками. С этой точки зрения случай «Красного Перекопа» позволяет увидеть через увеличительное стекло микроистории возникновение и динамику спирали радикализации. Увеличение нагрузки на работе, вызванное уплотнением производственного процесса, вызывало протест рабочих, которых партия пыталась заставить молчать, используя авторитарные методы (принуждение к новому собранию, чтобы провести нужную резолюцию и отменить результаты собрания, на котором рабочие выразили свою волю). Авторитаризм, в свою очередь, вызвал волну ярости рабочих, способствуя радикализации позиций, что проявилось на собрании, которое неожиданно голосовало за отправку в Москву делегации, чтобы прояснить вопросы поставки продовольствия, и освистало секретаря парторганизации.

Партия пыталась вернуть контроль над ситуацией с помощью репрессивных мер (усилился политический надзор на фабрике; Люлин, взятый под присталь-

¹ *Розенберг В.* Указ. соч. С.14, см. также: *Rosenberg W.G.* Labor activism in Piter, 1918–1929: Toward a new understanding of the proletarian dictatorship // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест: Сб. документов. СПб., 2000. С.30–38.

² *Koemaker D.* Republic of Labor. Russian Printers and Soviet Socialism, 1918–1930, Ithaca and London, 2005; *Rossmann J.* Worker Resistance under Stalin. Class and Revolution on the Shop Floor. Cambridge, Mass.; London, 2005. Росман в исследовании о волнениях весны 1932 г. на крупнейших текстильных фабриках Ивановской области (по административной реформе 1929 г. в нее вошла Ярославская область) нарисовал эскиз к портрету Люлина.

³ См., например: *Маркевич А., Соколов А.* Магнитка близ Садового кольца. Стимулы к работе на московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг., М., 2005; *Журавлев С., Мухин М.* «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938. М., 2004.

ное наблюдение, ожидал ареста). Рабочие реагируют: вновь неожиданно выбрали Люлина делегатом съезда профсоюзов и провалили кандидата от партии. Та, в свою очередь, использовала все средства, чтобы навязать свою волю и заставить отречься от Люлина. Действуя так, партия и далее теряла доверие и авторитет в глазах рабочих, которые занимали еще более радикальные позиции и добились своего, отправив Люлина на съезд. И партия сделала следующий шаг: просила ОГПУ провести чистку на фабрике. Спираль всё более закручивается, поведение партийных руководителей подталкивает рабочих к крайностям, которые обретали политический оттенок, а Люлин становился признанным лидером. И так — до ареста Василия Ивановича. И именно во время этой серии цепных реакций «спирали радикализации» формируются и утверждаются шаг за шагом те самые репрессивные практики и те самые механизмы упорядочивания жизни общества и контроля над ним, установление которых является признаком прихода диктатуры Сталина.

Преимущество этой гипотезы в том, что она возвращает генезису сталинизма динамический характер, проливая свет на сложное сплетение связей между властью в ее различных проявлениях и обществом. Естественно, гипотеза требует подтверждения в серии исследований. Они позволили бы увидеть прежде всего, можно ли и насколько обобщать картину, которая вырисовывается из истории Люлина: протест рабочих против «великого перелома», с которого началась спираль радикализации. Только такие работы позволят оценить, насколько рассказанная здесь история может считаться репрезентативной, уточнить размах рабочего сопротивления в стране, во скольких и каких отраслях оно имело место и т. д. Вероятно, это поможет понять степень влияния этого процесса на очень подвижное тогда равновесие между властью и обществом и лишь затем обсудить значение его в генезисе сталинизма.

Если гипотеза об определяющей роли сопротивления рабочих (и, шире, всего общества) в установлении сталинской диктатуры найдет подтверждение, то позволит по-новому взглянуть на проблему сопоставления сталинизма с другими тоталитарными режимами Европы между двумя мировыми войнами. Если сталинская диктатура была тем окончательным ответом, который сумели дать большевики у власти в конце 1920-х гг., с учетом их культурного багажа и менталитета, на глубокий социальный кризис, вызванный напряжениями, возникшими в результате модернизации, тогда можно говорить о сталинизме как одном из проявлений «кризиса классической модерности» (в том смысле, в котором это выражение употреблял Детлев Й. К. Пойкерт¹), плодом и проявителем которого ранее была Первая мировая война. Подобное прочтение сталинизма подразумевает целый ряд последствий. На двух из них стоит остановиться. Первое — сталинизм перестает существовать в одной только исторической длительности российской истории, к чему мы привыкли ныне (так мы можем отпихнуть его к восточным варварствам, подчеркнув отличие от нас), а наоборот, оказывается внутри истории западной модерности.

¹ Peukert D.J.K. *La repubblica di Weimar. Anni di crisi della modernità classica*. Torino, 1996. Многие также проясняет книга Петера Вагнера: *Wagner P. Liberté et Discipline. Les deux crises de la modernité*. Paris, 1996.

Большевистская революция и сталинизм, хотя и не находятся в жесткой причинно-следственной связи, всё же порождены один другой. Они расположены в точке пересечения русской истории (с вязкостью ее социальных практик, мессианскими верованиями и доминирующей ролью государства в лепке общества) и истории западной модерности (с ее индустриальной моделью, мифом о прогрессе и завроженностью социальной инженерией). Детище революции, обещавшей освобождение всего общества, сталинизм был, с этой точки зрения, крайним экспериментом западной модерности, поддавшейся соблазнительным идеям всемогущества человека и возможности ковать новых людей, создавать райскую жизнь будущего. Такое прочтение сталинизма помогло бы переформулировать понятие тоталитаризма, который в этой перспективе представляется формой реакции на кризис модерности, мучительно переживаемый Европой на заре XX в. Это позволило бы наконец преодолеть противоречия тоталитарной теории, унаследованной от холодной войны, вернуть тоталитаризму его эвристическую ценность, сделав его одной из интерпретационных парадигм истории первой половины XX в., а также сравнить и понять во всём разнообразии опыт развития режимов тоталитарного типа.

Перевод с итальянского Елены Балаховской